

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 17

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣс. — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп.

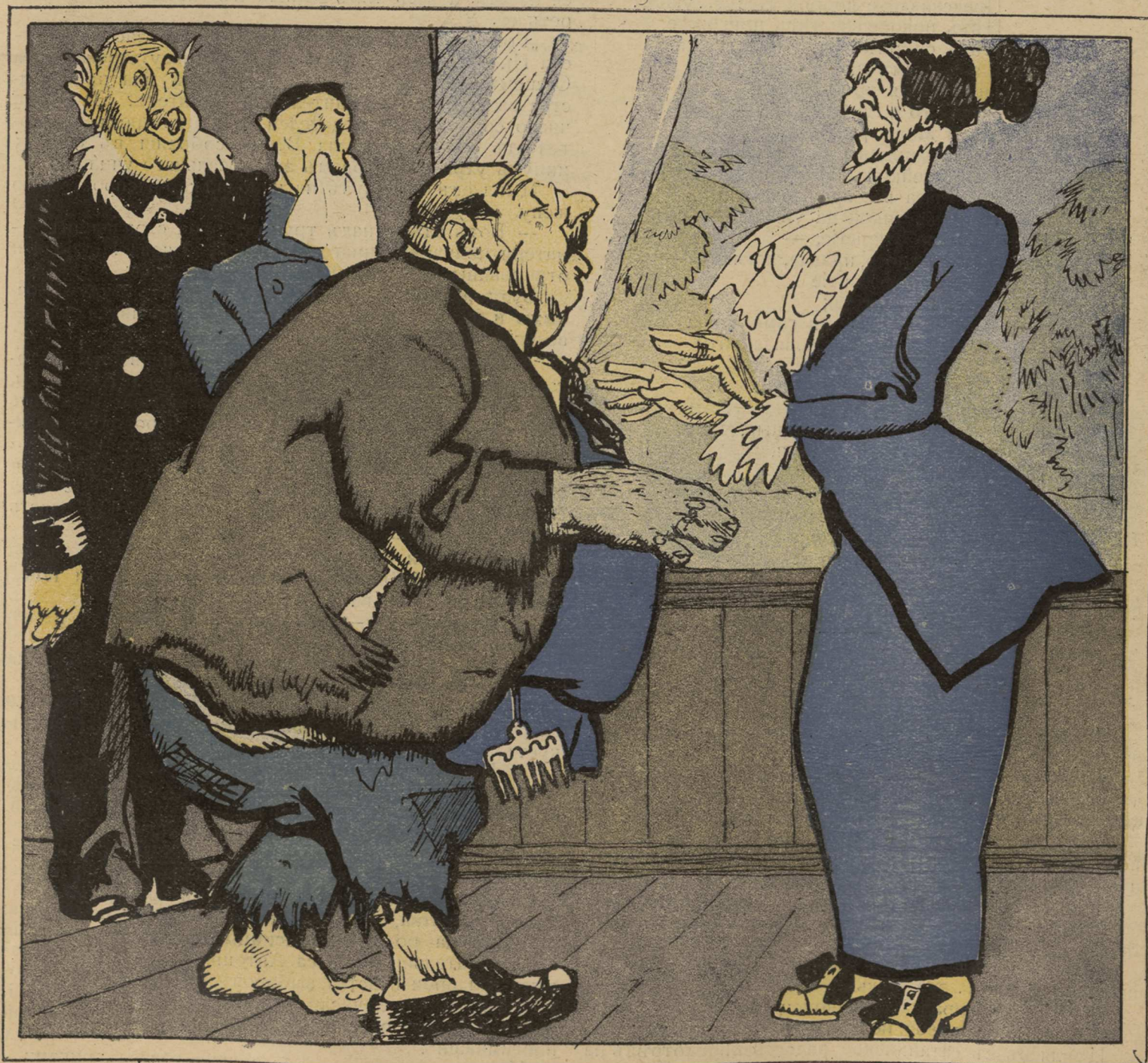
26 СЕНТЯБРЯ.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей **Аркадія Аверченко**, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Рис. А. Радакова.

НАРОДНЫИ ПЕЧАЛЬНИКЪ ЪДЕТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Она. — Ты съума сошелъ?? Что за костюмъ!!!

Депутатъ. — Сейчасъ со мной придуть прощаться мои избиратели — мужички. Иванъ, приготовь ванну...

MENS MALA IN CORPORE MALO.

„Попечитель СПб. уч. окр. констатирует в отчетъ сильнѣйшій упадокъ умственного и физическаго развитія молодежи за этотъ годъ“.
(Изъ газетъ).

Надо мной пѣвала Кас... ушка,
Колыбель мою качаючи:
— „Будешь, счастливъ Каллистратушка,
Будешь жить ты припѣваючи“.
И сбилось по волѣ Божіей
Предсказанье доброй Кас... ушки:
Нѣтъ покорнѣй, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ смиренѣе Каллистратушки.
Слабъ я мозгомъ лишь, дѣтинушка,
И въ наукахъ я профанушка;
Говорятъ, что я, дубинушка, —
Настоящій Митрофанушка.
Не Цыфиркины насъ мучили,
Не Кутейкинъ, врагъ цугундера, —
Мы глаза все время пучили
За шагистикой на ундера.
Было важное открытіе, —
(Въ немъ немного, правда, логики), —
Будто дѣтское развитіе
Не задача педагогикки;
Будто съ ружьями гимнастика
(Взять хоть самаго лядащаго)
Превращаетъ головастика
Въ гражданина настоящаго.
И шагали мы баранами,
Какъ къ войнѣ вооруженные,
Все гуляли съ барабанами,
Пѣли пѣсни забубенныя.
Вотъ гордитесь предъ Европами
Вы плодами просвѣщенія, —
Молодыми недотепами
Отъ моднѣйшаго теченія...

Евг. Вѣнскій

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Поздно вечеромъ получилъ повѣстку акцизный надзиратель Цыпляевъ.
Молча разорвалъ онъ бѣлый конвертъ, молча прочелъ, а когда, наконецъ, поднялъ глаза, то видно было, какъ на днѣ ихъ, тускло свѣтя, переливалась лава.
— Да свершится воля Господня, — глухо произнесъ онъ. Прошелся по кабинету, стеръ проступившія на лбу капли пота и кликнулъ жену.
— Садись, — проговорилъ онъ. — Садись и слушай.
Крѣпко схватилъ ее за руку выше кисти и почти бросилъ на диванъ.
— Миша, я клянусь! — крикнула несчастная женщина. — Миша... это ложь!
— Нѣтъ, это правда... Наконецъ, это правда... Наконецъ-то я держу тебя, негодяй... и ты у моихъ ногъ.
Цыпляевъ съ сатанинской радостью посмотрѣлъ на свои судорожно сведенные пальцы.
— Этой рукой я сожму твое мерзкое горло, и жестокой цѣной заплатишь ты мнѣ за часы моего горя... О, жестокой цѣной...

— Миша, я невинна... клянусь... — теряя сознание простонала жена.

Не замѣчая ея состоянія Цыпляевъ, продолжалъ, понизивъ голосъ до шопота и упиваясь шелестомъ дрожавшей въ его рукъ бумажки:

— О какъ давно ждалъ я тебя, скромный и маленькій клочекъ бумаги... Что такое ты, самъ по себѣ? Дунеть вѣтерокъ и ты улетишь, какъ легкая бабочка, какъ мотылекъ, какъ осыпавшійся лепестокъ душистаго цвѣтка...

— Но волшебница-судьба прикоснулась къ тебѣ легкимъ перстомъ, и на твоихъ крылышкахъ осталась ея печать, и весь міръ слишкомъ слабъ, чтобы стереть ее.

„Господа родители ученика второго класса Цыпляева Николая симъ приглашаются присутствовать на Общемъ Собраніи господъ родителей для производства выборовъ въ родительскій комитетъ. Законное число собравшихся родителей не менѣе трехъ четвертей отъ всего ихъ числа. Время собранія въ 9 ч. 25 минутъ утра въ актовомъ залѣ реального училища“...

Цыпляевъ взглянулъ на неподвижно распростертую жену.

— Вотъ здѣсь, надъ трупомъ этой страдальцы, — матери полузамученнаго отрока Цыпляева Николая и отроковицы Цыпляевой Антонины клянусь:

Буду жестокимъ, буду неумолимымъ, буду грознымъ и да вострепещутъ враги и да свершится судъ, — великій родительскій судъ!

— Ты палачъ, задушившій моего первенца притоками Нила, нѣмой картой выпившій его соки. Ты, чуждый намъ по духу нѣмецъ, заставившій пережить его, — въ его-то возрастъ! — всѣ муки родовъ и мужскихъ и женскихъ и, немногимъ вѣдомыхъ, сопряженій...

— И ты самый главный и самый ужасный, по прозванію директоръ — всѣ вы, какъ черви, будете пресмыкаться завтра у моихъ ногъ, потому что власть родителей безгранична.

— И не три четверти соберется ихъ завтра, а четыре трети, ибо всякъ станетъ отъ одра, дабы понести мечъ правосудія.

— Великій день — день спасенія и ликованія всѣхъ отроковъ наступилъ.

Съ безконечной нѣжностью посмотрѣлъ онъ на всхлипывающую жену.

— Плачь, женщина... Плачь... Плачь отъ радости за отрока Николая, но настанетъ часъ, когда возликуетъ твоя душа и за отроковицу Антонину.

— Чуетъ душа моя — недалекъ уже мигъ, когда другой, такой же скромный, листокъ бумаги возвѣститъ о собраніи родителей въ женской прогимназіи.

— И даже слышу уже шаги вѣстника.
Цыпляевъ поднялъ озаренное свѣтомъ лицо, и, дѣйствительно, въ тотъ же мигъ отворилась дверь, и рука невидимой кухарки протянула бѣлый конвертъ.

— Повѣстка, — прошепталъ Цыпляевъ и прочелъ: „Господа родители ученицы старшаго отдѣленія приготовительнаго класса Антонины симъ приглашаются для производства выборовъ въ родительскій комитетъ. Законное число не менѣе трехъ четвертей, время собранія 9 ч. 25 минутъ въ зданіи женской прогимназіи“.

Цыпляевъ радостно и бессильно развелъ руками.
— Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ... Слишкомъ много радости для одного мгновенія.

И вдругъ остановился, пораженный блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ жены.

— Три четверти, да три четверти — полтора, — только и могли прошептать ея безкровныя губы.

Но и этихъ словъ было достаточно.

Холодный потъ выступилъ на лбу и щекахъ Цыпляева, онъ закрылъ лицо руками и, какъ тряпка, упалъ въ кресло.

* * *

Когда онъ отнял руки, его губы были сжаты, а на лбу обозначилась страдальческая, но выражающая желѣзную рѣшимость складка.

— Придется пожертвовать дочерью, — глухо проговорилъ онъ.

— Ниной?! — закричала не своимъ голосомъ несчастная мать. — Пожертвовать моей дѣвочкой, моей малюткой Ниной?... Сжался, о сжался... Я знаю, ты не жестокий человѣкъ, ты добрый, ты спра...

— Тогда, да живетъ Антонина и да...

— Коля, мой мальчикъ!

Несчастливая женщина валялась у ногъ мужа.

— Катя, — скорѣе простоналъ, чѣмъ проговорилъ Цыпляевъ — и камень бы разрыдался отъ звука этого голоса. — Катя, не мучь меня понапрасну... Надо спасать, что можно спасти. Вѣдь если мы не объединимся, не захотимъ или не успѣемъ объединиться — то все погибло. Мальчики, дѣвочки, а вмѣстѣ съ ними и мы, родители — все это обратится въ одну скованную ужасомъ, обреченную на гибель массу...

Есть еще время — сейчасъ одиннадцать часовъ. Я подниму на ноги весь городъ... Хорошо было бы ударить въ набатъ... О этотъ звукъ колокола въ тишинѣ ночи — страшной Варфоломеевской ночи.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ будто отгоняя страшный призракъ. Потомъ быстро нагнулся, наскоро перекрестилъ жену и поднялся во весь ростъ.

— Прощай, Катя... Если нужно — выбей окно.

Жена Цыпляева дико вскрикнула, но ея рука обняла пустое пространство.

* * *

Почти передъ разсвѣтомъ вошелъ Цыпляевъ въ спальню и остановился передъ лежавшей съ открытыми глазами женой.

Одежда его была разорвана, на лицѣ и рукахъ виднѣлись многочисленныя ссадины.

— Все пропало, — прохрипѣлъ онъ. — Родителей охватила паника, всѣ попытки внести въ ихъ ряды какой-либо порядокъ оказались напрасными. Матери прижимаютъ къ груди младенцевъ, старики стонутъ, прислуга выводитъ скотъ.

Наконецъ, послѣ неимоверныхъ усилій удалось организовать ядро отчаянныхъ головорѣзовъ — въ центрѣ самъ приставъ.

Набрали три четверти — одинъ пожертвовалъ тремя дочерьми, трое — двумя... Продержались до двухъ часовъ. Въ половинѣ третьяго — измѣна.

Отказался учитель гимнастики — директоръ поставилъ ультиматумъ — или родитель или учитель гимнастики; теперь учителямъ набавили жалованья, и никакое совмѣстительство не допускается.

Потомъ примчался верхомъ Щукинъ — сапожникъ. Отказался!

Только что отъ инспектора... Получилъ распоряженіе лично доставить на квартиру сапоги въ 9 часовъ 25 мин. по мѣстному времени.

Вотъ слова инспектора: „По вашей аккуратности буду судить о достоинствѣ сына. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ“.

Еле стащили съ лошади, такъ рыдалъ:

„Не родитель я, а сапожникъ — да будетъ проклято мое ремесло отнынѣ и до вѣка“.

А потомъ пошло и пошло, и пошло...

* * *

Цыпляевъ махнулъ рукой, странно передернулъ шей и уткнулся головой въ простыни.

Какъ каменное изваяніе, вперивъ безстрастный взоръ въ стѣну, сидѣла его жена.

Потомъ, задрожавъ вдругъ съ головы до ногъ, бросилась съ кровати и задула свѣчу.

И въ фальшивой настожившейся тишинѣ Цыпляевъ услышалъ ея прерывающійся отъ страха голосъ:

— Миша, не надо... Не надо завтра туда ходить.

И на службу ходить не надо — узнаютъ. По лицу узнаютъ, Миша... Вѣдь все равно трехъ четвертей не будетъ — зачѣмъ же рисковать, напрасно, Миша... Миша — а...?

Крабъ.

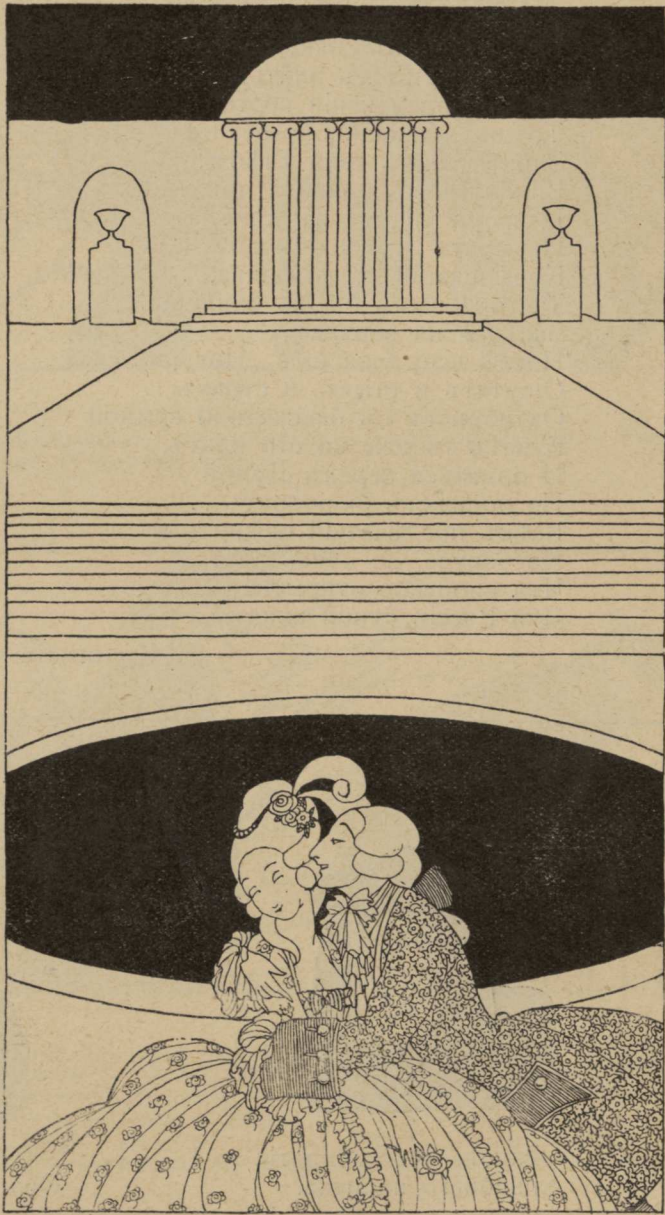
НЫНѢШНІЯ ВРЕМЕНА.

— Послушайте... Я замѣтилъ, что между Анной Ивановной и Григоріемъ Денисовичемъ что-то есть... Чуть-ли не шуры-муры...

— Но позвольте! Вѣдь они — мужъ и жена!!

— Поэтому-то я и удивляюсь...

Рис. Миссъ.

ДОКТОРСКІЙ СОВѢТЪ; ХИТРО ПЕРЕТОЛКОВАННЫЙ.

Однажды жена бригадира съ молодымъ ферлакуромъ гуляла и, отдѣлаться отъ онаго желая, сказала: — Государь мой! вечеръ, уже и холодные зефиры подули, докторъ же мой не велѣлъ мнѣ вечеромъ гулять, не надѣвъ что-нибудь теплое на шею! — На что ферлакуръ отвѣтствовалъ тѣмъ, что обнялъ ее за шею, приговаривая: — сіе васъ, сударыня, согрѣетъ достаточно! — Но честная жена бригадира, желая отъ ферлакура отвязаться, сказала: — уберите руки ваши, сударь, у меня отъ объятий вашихъ мурашки по тѣлу бѣгаютъ! — На что кавалеръ, не растерявшись, промолвилъ: — сіи мурашки сію минуту всѣ будутъ мною переловлены!

Послѣ сего, боясь отъ кавалера получить еще болѣе острый отвѣтъ, дама всѣ ласки кавалера переносила съ великимъ молчаніемъ и только послѣ оныхъ, супирь испустивъ, произнести рѣшилась:

— Увы мнѣ!..

Такъ, докторскіе совѣты, неправильно истолкованные — изрядные рога пациенткиному мужу принести могутъ...

СЪ ВОСТОКА СВѢТЪ.

Японецъ Ногуши, какъ сообщаютъ изъ Парижа, открылъ микробъ отъ бѣшенства.

(Изъ газетъ).

Слава Богу! къ цѣли ближе! —
Нашъ россійскій эфіопъ
Будетъ вылѣченъ: въ Парижѣ
Найденъ бѣшенный микробъ.
Пусть его открылъ макака,
Но сноровкѣ боевой
У макаки, какъ ни квакай,
Почувать не впервой!..
Разъ открытъ микробъ бѣдовый,
На него найдутъ „анти“ —
И отъ сыворотки новой
Ужъ пройдохѣ не уйти!
Медицина ополчится
Противъ братіи шальной.
Въ года два преобразится
Все лицо земли родной:
Подъ вліяніемъ прививокъ
Черносотенная рать
Броситъ Хаимовъ и Рывокъ
Въ „Русскомъ Знамени“ трепать;
Здравый смыслъ опять заглянетъ
Въ нововременскій вертепъ,
Трудно Меньшикову станеть
Зарабатывать свой хлѣбъ;
Вникнувъ въ правила приличій,
Цензора уйдутъ въ вѣка,
И умретъ лихой обычай
Конфискацій съ кондачка...
Тѣ, что нынѣ бьютъ баклуши,
Засѣдая на верхахъ,
Послѣ вспрыска имъ „Ногуши“
Ощутятъ и стыдъ, и страхъ...
Октябристъ съ бюджетной суммой
Будетъ тверже во сто кратъ,
И ломаться передъ Думой
Не посмѣетъ бюрократъ...
Всѣхъ послѣдствій оцѣнить я
Не берусь, но очень радъ,
Что японское открытѣе
Для Россіи суший кладъ...

Красный.

МЪЩАНСКІЯ СКОРБИ.

I.

КАНАРЕЙКА.

Вчера я мѣдную клѣтку чистилъ мѣломъ...
Канарейка наша — удивительная пѣвица,
Но не въ добрый часъ я занялся дѣломъ:
Раскрылась дверка и... улетѣла птица...
Жена моя раскричалась ужасно,
Назвала меня и осломъ, и жестокимъ,
Жизнь моя сложилась несчастно,
Я въ семьѣ своей чувствую себя одинокимъ...
Я ушелъ за перегородку, закурилъ сигару...
Кто изъ насъ правъ — будущее покажетъ;
Тихо снялъ со стѣны гитару
И запѣлъ: „Пускай могила меня накажетъ“...
Нѣжный аккомпаниментъ меня растрогалъ,
Къ горлу медленно подступили слезы...
Радости на свѣтѣ я видѣлъ много-ль?..
Вмѣстѣ съ юностью отлетѣли грезы...
Жизни дни моей похожи на ночь,
А сердце мое скоро превратится въ глетчеръ,
Чу, звонокъ!.. то пришелъ Иванъ Ивановичъ
Звать меня къ себѣ на цѣлый вечеръ.
Но и у него сидѣлъ я туча-тучей,
Такъ разстроился я изъ-за канарейки
И былъ я объять грустью пѣвучей,
Хотя выигралъ два рубля сорокъ три копейки.

Валентинъ Горянскій.

ПУСТЯКИ...

— Ну что, докторъ? Какъ вы находите мою собачку?
— Да. Ничего не подѣлаешь, придется ей сдѣлать операцію.
— Ахъ, mon Dieu! И серьезную операцію, докторъ?!
— Нѣтъ, пустячную: мы ей кусочекъ хвоста отрѣжемъ.
— А — ахъ! Pauvre Zizi! И большой кусочекъ?
— Не особенно большой, madame: до шейки.

„ФАУСТЪ“ ВЪ ТЕАТРѢ НЕЗЛОБИНА.

Рис. Ре-Ми.

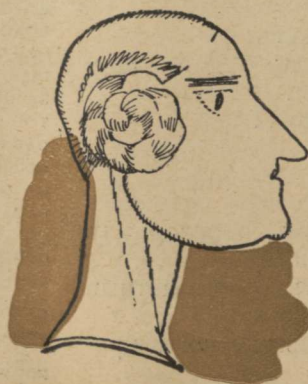
Фаустъ — до принятія волшебнаго напитка.

Онъ-же — послѣ принятія.

— „Мнѣ скучно, бѣсъ!“
— А мнѣ?!

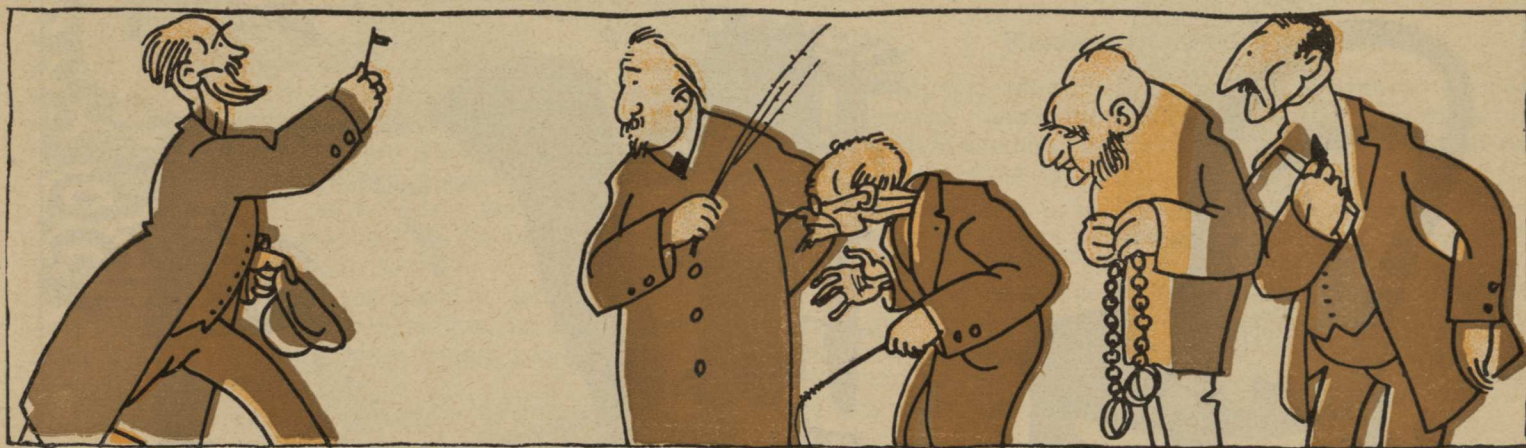
„Маргарита, молодая швейка“.

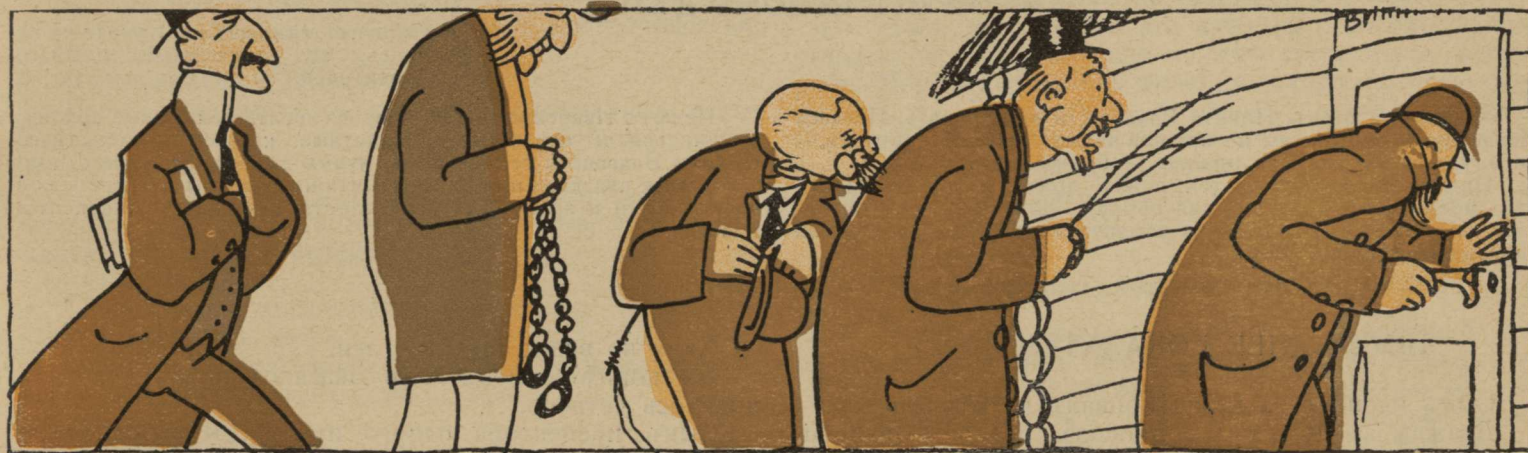
Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

Кн. Мешерскій: — Исправить хулигановъ только розга! — Меншиковъ: — Плетка! — Третій: — Судъ, кандалы, тюрьма! — Четвертый: — Просвѣщеніе, поэзія для облагораживанія нравовъ.

Они долго спорили, доказывали, соображали: Вдругъ явился простой обыватель, — самый обыкновенный — и сказалъ: — Господа! Увѣрю васъ, что вотъ этотъ маленькій ключикъ... Онъ все устроитъ!! Честное слово!

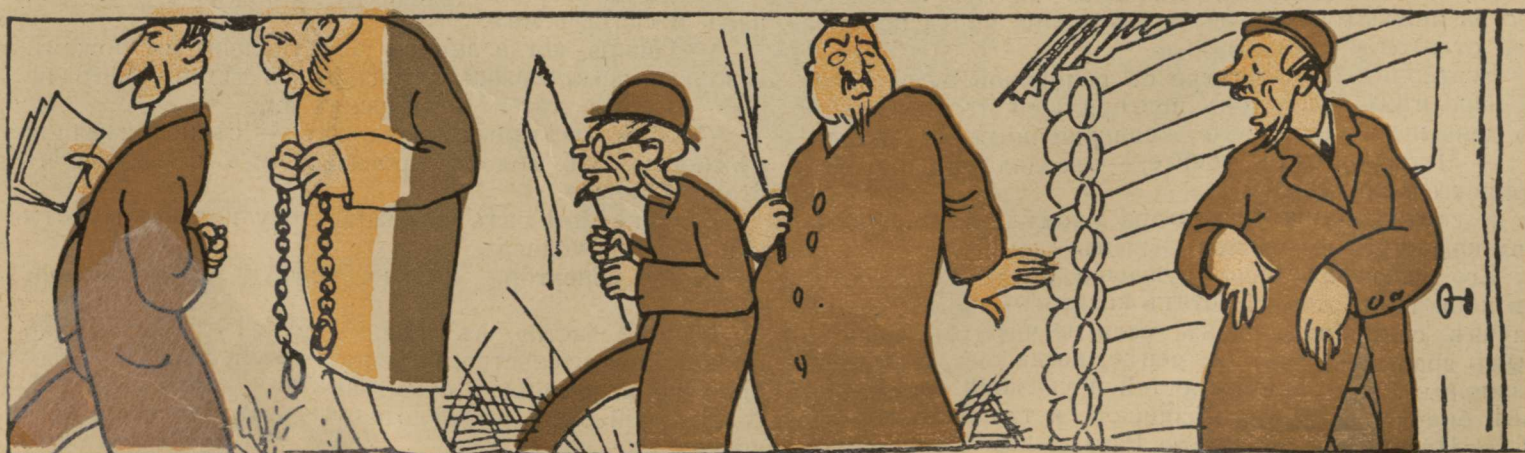

— Не можетъ быть!! — воскликнули всѣ хоромъ. — Навѣрно его надо привязать на конецъ плетки! — сказалъ Меншиковъ. — Или свистѣть въ него, какъ въ полицейскій свистокъ! — сказалъ человѣкъ, предлагавшій кандалы. — Нѣтъ, пусть всѣ поймутъ, что этотъ ключъ символъ, означающій ключъ къ познанію! — меланхолично сказалъ человѣкъ, предлагавшій книгу.

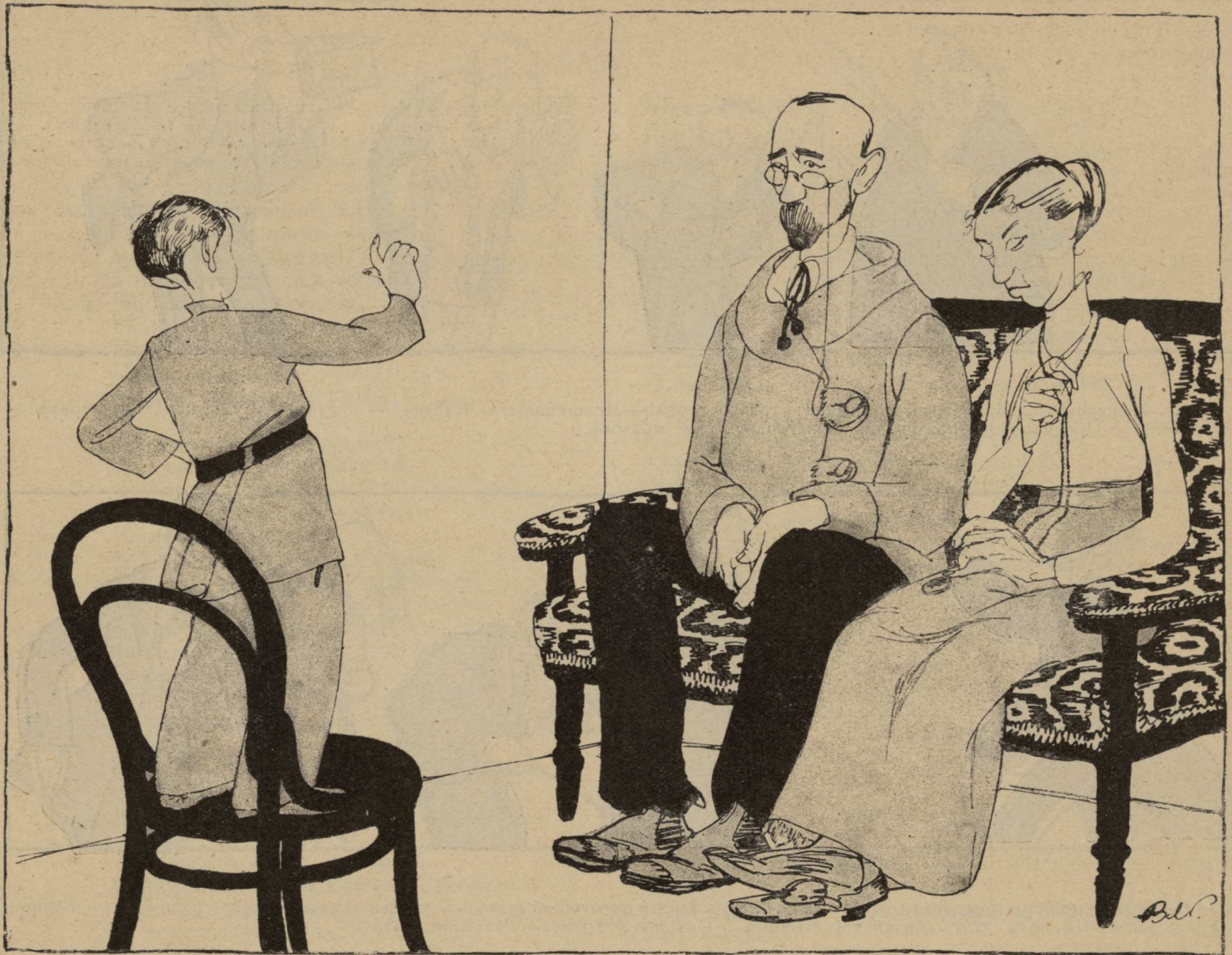
— О, нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ не то! — сказалъ человѣкъ съ ключемъ. — Идите за мной!

Они долго шли полями и лѣсами и пришли къ винной лавкѣ...

— Вотъ, смотрите, — сказалъ человѣкъ. — Разъ, два, три!.. и — я забираю эту винную лавку! Видите, какъ просто и радикально?..

— Какъ и только? — разсмѣялись его спутники. — Это какой-то сумасшедшій!.. И опять всѣ четверо сосредоточенно зашагали, разрѣшая въ умѣ наболѣвшій вопросъ.

ПРЕДЪ СУДОМЪ ДѢТЕЙ.

— Вы, мой отецъ, Никита Власовъ, и вы, моя мать, Пелагея Ивановна, за то, что вы не пришли на родительскій комитетъ — ко мнѣ, вашему сыну, на помощь — приговариваетесь:

Никита Власовъ лишается всѣхъ правъ и преимуществъ надъ моею частью, удобной для порки... лишению права выпивать по 3 рюмки за обѣдомъ и ссылается въ свой кабинетъ на усиленные вечернія занятія.

ПОСЛѢДНЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Сынъ инспектора гарантировалъ четверыхъ.

Дважды въ день онъ приносилъ большой полевой бинокль, принадлежавшій нахлѣбнику — артиллерійскому офицеру, — и рассматривалъ въ упоръ кошкнн животъ.

— Четверо, хоть убейте, — каждый разъ повторялъ онъ. Протиралъ стекла, опять смотрѣлъ; иногда просилъ зажечь спичку, словно надѣясь разглядѣть кошку на свѣтъ, разводилъ въ недоумѣннн руками и бормоталъ:

— Не вижу, ничего больше не вижу.

Кошка со вздохомъ тащилась на другое мѣсто, сестра инспекторскаго сына Екатерина молча несла за ней отнятое у куклы одѣяло.

Екатеринѣ было четыре съ половиной года, вдвое меньше, чѣмъ брату; онъ повторялъ ей это десять разъ на день и добился своего — совершенно ее обезличилъ:

— Четверо, хоть убейте, — твердила она на всѣ вопросы о кошкѣ.

Я считалъ сына инспектора умомъ блестящимъ, но увлекающимся и парадоксальнымъ.

Его безапелляціонное сужденіе о числѣ таившихся въ кошкннн животѣ котятъ казалось мнѣ въ лучшемъ случаѣ самообольщеніемъ, если не чистымъ и здоровымъ враньемъ; тѣмъ не менѣе, когда онъ, съ массой излишнихъ предосторожностей и указаній передавалъ мнѣ бинокль и свѣтилъ спичкой, я также повторялъ:

— Положительно четверо. Разъ... два... три... и въ правомъ углу — четыре.

Во многихъ гимназіяхъ Комитеты не состоялись, за отсутствіемъ нужнаго числа родителей. (Изъ газетъ).

Пелагея Ивановна лишается права носить фальшивые локоны, румяниться и осматривать жилетные карманы подсудимаго Никиты Власова и ссылается на кухню для ежедневнаго приготовления сладкаго пирога для питанія жертвы родительской небрежности и халатности, гимназиста 2-го класса Иннокентія Власова.

Хотя не видно было ни зги.

Въ концѣ-концовъ онъ оказался правъ — котятъ родилось четверо.

Сынъ инспектора одного изъ нихъ забраковалъ и сообщилъ, что Екатерина моя кума.

— Я отнынѣ твоя кума, — подтвердила Екатерина.

Потомъ снова смотрѣли въ бинокль, но уже „для очистки совѣсти“, какъ выразился сынъ инспектора.

— Пуста какъ институтка, — окончательно констатировалъ онъ. — Отнынѣ будетъ достаточно и невооруженнаго глаза. Пока же самое необходимое — это женскій уходъ. Екатерина, уходи!

Когда Екатерина ушла, онъ осмотрѣлся по сторонамъ и сказалъ мнѣ:

— Теперь, когда лишнія уши удалены, мы можемъ говорить, не стѣсняясь. Отецъ этихъ дѣтей — негодяй.

— Какихъ дѣтей? — спросилъ я.

— Отецъ четверыхъ малютокъ, — съ непривычной нѣжностью въ голосѣ произнесъ онъ, показывая въ сторону кошки.

Я въ первый разъ слышалъ, что у котятъ бываютъ отцы, но промолчалъ.

Сынъ инспектора мрачно усмѣхнулся и продолжалъ:

— Къ счастью, въ нашихъ рукахъ имѣется одно важное доказательство, а именно — фамильное сходство. Младшій напоминаетъ отца, какъ двѣ капли воды.

Младшій былъ рыжій котенокъ, котораго онъ забраковалъ.

— Кто же его отецъ? — неуверенно спросилъ я.

— Кто? — еще мрачнѣе и тоньше улыбнулся сынъ инспектора. — Ну, подумай, — кто среди насъ—рыжій? Рыжимъ былъ я.

— Рыжій среди насъ — Пупшъ, — отчетливо и зловѣще проговорилъ сынъ инспектора.

Пупшемъ назывался рыжій сестеръ артиллерійскаго офицера. Онъ часто забѣгалъ къ намъ, на кухню, за костями и не разъ крупно ссорился съ кошкой.

Возражать было нечего. Разъ допустивъ основное положеніе, что у котятъ былъ отецъ — далеко искать его не приходилось.

Отцомъ ихъ и мужемъ кошки былъ рыжій Пупшъ.

— Какъ же быть? — послѣ долгаго молчанія спросилъ я.

Сынъ инспектора пожевалъ губами

— Надо приложить всѣ старанія. Нельзя оставлять полу-больную женщину въ такомъ положеніи.

Его манера выражаться была вѣчнымъ предметомъ моей зависти. Онъ многое слышалъ, но еще болѣе черпалъ изъ книгъ.

— Попробуемъ оставить ихъ съ глазу на-глазъ, въ узкомъ кругу семьи. Ты доставишь въ чуланъ дѣтей и мать, я позабочусь объ отцѣ, который до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться моимъ гостепріимствомъ.

— Я думаю, что они сговорятся, надо только устроить, чтобы рыжій бросился ему въ глаза первымъ.

— Какъ это дѣйствуетъ, я знаю по опыту.

Не откладывая святое дѣло примиренія въ долгій ящикъ, мы подняли корзину съ кошкой и новорожденными и перенесли ее въ чуланъ.

Сынъ инспектора отправился на поиски Пупша, взявъ съ меня обѣщаніе позаботиться, чтобы встрѣча отца и ребенка была обставлена какъ можно трогательнѣе и сценичнѣе.

Рыжаго котенка, который, по его увѣреніямъ, былъ точной копіей родителя, я устроилъ на чистомъ носовомъ платкѣ, въ центрѣ чулана посреди солнечнаго пятна, а корзину оставилъ въ тѣни.

Но, когда я отошелъ въ сторону, чтобы полюбоваться, кошка, не спѣша, вылѣзла изъ корзинки и, взявъ рыжаго за шиворотъ, приобщила его къ остальнымъ.

Повторивъ ту же процедуру нѣсколько разъ, она, наконецъ, сдалась, побѣжденная моей настойчивостью и, повидимому, задремала.

Я вышелъ на цыпочкахъ.

Сынъ инспектора, съ лицомъ рѣшительнымъ и холоднымъ, стоялъ у двери, держа за ошейникъ поманивавшего хвостомъ Пупша.

— Дѣло обѣщаетъ наладиться, — коротко предупредилъ онъ. — Отецъ менѣе сговорчивъ, чѣмъ я думалъ. Ребенокъ — впереди?

— Впереди.

— Остальное предоставимъ событіямъ.

И пріоткрылъ дверь.

Пупшъ просунулъ носъ, потянулся, радостно и отрывисто твякнулъ и, какъ стрѣла, бросился въ чуланъ.

— Увидѣвъ своего ребенка живымъ, отецъ почти лишился разсудка, — кивнулъ головой сынъ инспектора.

Но въ этотъ же мигъ раздался душу раздирающій вопль и крикъ и Пупшъ кубаремъ, вышибая собой дверь, покотился къ намъ подъ ноги.

Мы бросились въ чуланъ.

Въ корзинкѣ, взъерошенная и страшная, стояла кошка.

Носовой платокъ посреди чулана былъ пустъ и чистъ.

— Три, — заглядывая издали въ корзину, сосчиталъ я. — Рыжаго нѣтъ.

Сынъ инспектора провелъ рукой по лбу.

— Проклятіе, — проскрежеталъ онъ. — Преступный отецъ уничтожилъ послѣднее доказательство.

И, избѣгая пристального взгляда кошки, вышелъ, согнувшись, изъ чулана.

Георгій Ландау.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

За что?

ОДЕССА. Эмигрантъ Файберовъ снятъ полиціей со спеціально задержаннаго на ходу парохода за пѣніе сіонистской пѣсни о возрожденіи Сіона, и на основаніи постановленія о порядкѣ на черноморскихъ судахъ — арестованъ градоначальникомъ на пять сутокъ.

Мы не совсѣмъ ясно представляемъ себѣ, за что именно былъ арестованъ бѣдный Файберовъ — за мотивъ сіонистской пѣсни или за ея слова? Ежели за мотивъ, такъ при чемъ тутъ Файберовъ? Надо было бы посадить на цѣпуру композитора. А ежели за слова, то...

Мы вчера были въ церкви и слышали, какъ какіе-то люди пѣли тамъ:

„Слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне...“

О чемъ всепреданнѣйше доносимъ г. одесскому градоначальнику.

Кажинные 1600 лѣтъ.

По случаю 1600-лѣтія миланскаго эдикта, провозгласившаго свободное исповѣдованіе христіанства, волкъ Меньшиковъ вышелъ на ежедневный свой парадъ въ овечьей шкурѣ:

Гоненія въ области вѣры создаютъ людей или озлобленныхъ, или духовно-мертвыхъ. Только свобода вѣры рождаетъ вѣру, ея священную искренность, въ которой движущая сила духа.

На слѣдующее представленіе этой пасторали просятъ пожаловать ровно черезъ 1600 лѣтъ. А въ промежутокъ г. Меньшиковъ будетъ опять улюлюкать, въ натуральномъ своемъ волчьемъ парадѣ, по адресу всѣхъ инакомыслящихъ.

„Мелкіе и случайные доходы“.

Въ доходной смѣткѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1914 г., подъ скромной рубрикой „мелкіе и случайные доходы“, предусмотрѣны доходы отъ штрафовъ, налагаемыхъ на газеты и журналы.

Съ тѣмъ, что доходы эти кажутся богатому министерству мелкими, мы еще можемъ согласиться. Говорятъ, Морганъ считаетъ мелкими доходы, которые онъ имѣетъ съ двухъ-трехъ десятковъ домовъ въ Нью-Йоркѣ. Но случайными считать эти доходы министерству никакъ ужъ не приходится.

Въ этихъ доходахъ, какъ въ безуміи Гамлета, по замѣчанію Полонія, есть что-то систематическое.

Великодушіе „ново-сатириконцевъ“.

Г. Ларіоновъ, вкупѣ съ двумя товарищами-футуристами, раскрасилъ себѣ фізіономію въ зеленый и оранжевый цвѣта и прошелся въ такомъ видѣ по московскимъ улицамъ. Какая нищета воображенія! Какая бѣдность палитры.

Входя въ положеніе г. Ларіонова и его товарищей, художники „Новаго Сатирикона“ согласны раскрасить ихъ въ восемь красокъ, при чемъ г. Ларіонову придется заплатить только за краски и за олифу.

Палка о двухъ концахъ.

СИМФЕРОПОЛЬ. Губернаторъ не разрѣшилъ депутату Бурьянову прочесть лекцію о страхованіи рабочихъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что рабочіе не интересуются вопросомъ страхованія.

Идя по пути, помѣченному симферопольскимъ губернаторомъ, можно рассуждать такъ: симферопольцы не интересуются своимъ губернаторомъ — значитъ, мы не можемъ разрѣшить губернатора въ Симферополѣ.

Пусть уѣзжаетъ на основаніи этого нашего обязательнаго постановленія.

Рис. С. Чехонина.

Зри въ центръ сей картины, читатель, и узришь петербургскаго челоѣка въ осадномъ отъ театровъ положеніи. Вотъ слѣва Шаляпинъ — лбомъ въ поле упершись, а другимъ мѣстомъ въ Тартакова. А вотъ пониже Бляевъ Юрій реконструируетъ оперетку, и съ трепетомъ глядя на него директора Паласа — Мозговъ со товарищи. Се высоко-высоко Направникъ маститый, а пониже Теляковскій храбрый, Варламовъ маститый, а позади него не Юрьевъ-ли элегантный и не Давыдова-ли именитаго клюетъ носомъ затѣйливый Мейерхольдъ? А вотъ слѣва мчится на автомобилѣ системы „Зонъ“ Кошевскій пылкій. Того и гляди раздавить смѣшливаго Евреина.

Не Кугель-ли то развѣсистый держитъ въ рукѣ кривое зеркало, не Каменскій-ли безстыдный выглядываетъ изъ-за лебеда? А вотъ Неволинъ таинственный представлень челоѣкомъ-сандвичемъ. Не Сабуровъ-ли счастливый подобрался низомъ вплотную къ петербургскому челоѣку? А это ужъ навѣрно Фокинъ миниатюрный вправлень въ рамку автомобильной шины? Но кто сей въ углу притаившійся и язвительную изображающій усмѣшку? Се Азовъ скептическій, и бродячая умильно стелется подъ ногами его собака.

ИЗЪ АЛЬБОМА ИВАНА КУЗЬМ. ПРУТКОВА.

Изъ античнаго міра.

Барельефъ. — Амуръ, Психея и Фавны.

Амуръ своенравно
Вертится на ножкѣ.
Поодаль два фавна
Нацѣлили рожки.
Психея-кокетка
Лукаво смѣется.
Внизу-жъ этикетка:
„За рубль продается“.

Деревенскому мальчику, играющему
въ бабки.

Чѣмъ время проводить за глупою игрой
(Твержу, на мраморнаго глядя шалунишку):
Ты-бъ, милый мой,
Засѣлъ за книжку!

Поэтъ и сапожникъ.

(Полезная басня).

Поэту рекъ сапожникъ: — Есть-ли прокъ,
Что десять тысячъ написалъ ты строкъ?!
А ты-бъ хоть пару
Высокихъ смастерилъ сапогъ
Англійскаго товару!

* * *

Друзья любезные, кричите вы, но — ах! —
Отъ васъ все та-же рѣчь... о сапогахъ.

Желаніе рябой вдовы.

Цвѣтокъ Иванъ-да-Марья
Растетъ на клумбѣ скромно.
Вдова, рябая Дарья,
Надъ нимъ вздыхаетъ томно.

* * *

О томъ вздыхаетъ Дарья
Надъ цвѣтикомъ медвянымъ,
Чтобы на мѣстѣ Марья
Цвѣсти вдовѣ съ Иваномъ.

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

О ПРЕЗРѢНІИ.

Фельетонъ Сергѣя Горнаго.

Вотъ я, напимѣрь, существую, никого не трогаю
и нѣтъ во мнѣ злобы, нахрапа, посвиста, лютыхъ
наскоковъ. Нѣтъ ихъ. Я — тихъ. Я — слабъ. Я —
скромень.

И все-же меня презирають.
Повсюду, всегда и безвозбранно.
И меня-ли одного?

Почему-то это ярче всего видно въ трамваѣ.

Вы входите. И замѣйте: тѣ, кто ѣхали раньше —
одна, если и не дружная, то тѣсная и слитая толпа,
масса, цѣлое. Тѣ — одно. Вы — сразу и безповоротно
другое. Вы — инородное тѣло. Заноза, попавшая въ
трамвай на остановкѣ у Фурштатской. А развѣ
занозу любятъ? Ее презирають.

Васъ презирають. Понятно, вамъ не плюютъ въ
лицо, не кричатъ „вонъ его, этого дурака, изъ трамвая“.
Но если въ васъ есть хоть на копѣйку чуткости, вы
поймете, что васъ презирають. Если вы одѣты хорошо:
„Франтъ! Мало ихъ здѣсь ходитъ... Еще Гейсмаръ
какой-нибудь“... Если вы одѣты средне, коллективный
глазъ трамвая смотритъ на васъ угрюмо: „Чинуша.
Торчишь на 75-ти рубляхъ. Такъ до смерти и про-
торчишь“. Если-же вы одѣты плохо, вамъ самому
всѣхъ стыдно.

Вы смотрите на сосѣда, тяжело и сонно окидываю-
щаго васъ взглядомъ, и, если васъ заѣдаетъ рефлексъ
долго терзаетесь: „Что онъ обо мнѣ могъ по-
думать? Такой хорошей господинъ въ котелкѣ. Что
тамъ, за этимъ строгимъ лбомъ, со слегка выпуклымъ
костякомъ?“

Визави (черная барашковая шляпа, оттянутая впе-
редь, и очки — какой-нибудь профессоръ или учитель...
Богъ съ нимъ!) говоритъ: „Пересадочный на Полю-
строво“. Лучше васъ. Сочнѣе. Въ густыхъ, бархат-
ныхъ, ласковыхъ къ кондуктору тонахъ. Затѣмъ смо-
трить на васъ, отводить глаза и, скользнувъ по „Ман-
долинамъ и ПIANOламъ“ на потолкѣ трамвая, затихаетъ.
И въ этихъ ничтожныхъ движеніяхъ и взглядѣ цѣлая
жуткая, большая программа:

— Эй, ты тамъ, сѣвшій напротивъ, хотя-бы и въ
дорогомъ пальто-клошѣ. У меня внутри течетъ само-
стоятельная, глубокая, обособленная жизнь, и не тронь
меня. Я ѣду домой и тороплюсь. У меня глубокая
жизнь. И самостоятельное мнѣніе о Гордонѣ Крэгѣ.
А ты-то его, чего добраго, и не знаешь?!.. Ничто-
жество!!

И онъ меня презираетъ.

Разумѣется, онъ всего этого не говоритъ, но развѣ
нужно тупое и жесткое произнесенное слово, когда
все ясно въ малѣйшихъ изгибахъ и впадинахъ — и безъ
него...

А, можетъ-быть, онъ профессоръ. А, можетъ-быть,
сотрудничаетъ въ „Рѣчи“. Пусть ужъ тогда прези-
раетъ. Пусть презираетъ. Богъ съ нимъ.

Меня презиралъ нашъ профессоръ палеонтологіи
(учился я когда-то такой наукѣ). Я не зналъ ребры-
шекъ и впадинъ давно уже умершей и никому въ
своей жизни зла не сдѣлавшей рыбы. Живи она
теперь, я заказалъ-бы изъ нея тюрбо и крикнулъ-бы
еще въ догонку татарину: „скажи, чтобъ въ смета...“
А профессоръ перебивалъ меня упрямымъ наклоне-
ніемъ головы, и въ одномъ этомъ небольшомъ жестѣ
была жуткая и длинная повѣсть его густого призрачнѣ-
нія ко мнѣ:

— Эй, ты, съ ненужнымъ пробормомъ и въ неваж-
ной тужуркѣ, сидящій сейчасъ передо мною. Один-
надцать лѣтъ я готовился къ диссертациі о ракообраз-
ныхъ девонскаго періода. А ты зналъ-ли коротко
хоть одного пластинчатожабернаго? А *Europterus*
communis? У меня глубокая жизнь. Геккель. Дар-
винъ. Я мыслю. Я вижу чрезъ толщи вѣковъ —
мысли Творившаго. А ты что? Сдаешь зачетъ? И его
даже не знаешь?!.. Ничтожество.

И онъ меня презиралъ. Густо, безпощадно, въ
упрямыхъ, негибавшихся тонахъ.

Противъ меня въ трамваѣ качается густое, красное
перо. Такихъ красныхъ перьевъ не бываетъ. Такихъ
красныхъ страусовъ — нѣтъ. Если-бы появился одинъ,
даже маленький, даже хромою красный страусъ, всѣ
туареги съ дикимъ воплемъ убѣжали-бы въ озеро Чадъ.

Но въ трамваѣ перо это ѣдетъ. Насупленныя
брови слегка косятся на меня, и рука въ неестественной
перчаткѣ достаетъ гривенникъ, словно ущипнувъ его.
— Вы скажете, когда будетъ пересадка?

Кондукторъ, сдѣлавъ три дѣла сразу: отвѣтивъ
дамѣ, осмотрѣвъ, всѣ-ли вошли сзади и не сошелъ-ли
кто съ передней площадки изъ неуспѣвшихъ взять
билета, — качаясь, скрывается въ массѣ пассажирской
толпы.

А дама скользитъ по мнѣ взглядомъ и потомъ
долго поверхъ меня смотритъ на вывѣски, иногда даже
чуть-чуть (чуть-чуть!!) приподымаясь и всматриваясь:
„не узнала, молъ, мѣстности. Сидитъ какой-то дуракъ
напротивъ. Непрозрачный. И приходится смотрѣть то
слѣва, то справа“.

О, эти всматриванія въ уголь и въ остановки по-
верхъ васъ! Сколько здѣсь глубины и поэзіи презрѣ-
нія. Когда-нибудь найдется, вѣдь, въ концѣ концовъ
ученый, который разработаетъ науку о презрѣніи, и
поэтъ, который воспоеетъ ее въ рѣшительныхъ, чет-
кихъ, ударныхъ строкахъ, и оба они согласно при-
знають, что это — одинъ изъ тонкихъ, обостренныхъ,
уничтожающихъ видовъ — привставанье и всматриванье
въ туманный, затянутый изморозью уголь:

— Вы здѣсь сидите, дураки. А у меня, быть можетъ, идетъ независимо отъ васъ — слышите? независимо!! — яркая, густая, вдохновенно возросшая, красочная (какой это уголь?) жизнь. Можетъ-быть я спѣшу (Кирочная?) на свиданіе. Можетъ-быть, (Фурштатская?), меня любить вашъ величайшій писатель (не видать угла...). Почемъ вы знаете? Вы, вѣдь, не знаете. А, можетъ быть, онъ мой мужъ... Что взяли? Я сойду на ближайшей остановкѣ и никогда тебя, горбатый, не встрѣчу. Ничтожество. У меня дома уютъ. Зеленая лампа. И нѣсколько бѣлыхъ головокъ склонилось надъ столомъ. Я сама фребеличка и своихъ дѣтей...

— Пересадочные на Васильевскій!..

И красное перо, качаясь, уходитъ.

Оно васъ презирало.

А вы горбитесь еще больше. Еще больше. Хотя домашніе сколько разъ говорили: „не надо горбиться. Не надо горбиться. Будешь сутулымъ“.

Разъ ужъ началъ сегодня исповѣдываться, пускай. Дойду до глубинъ паденія. До дна. До черной мути. Все расскажу.

Меня презирали всѣ. И особенно горничныя.

Какъ? Горничныя? Вы, какъ добрый и нелицепріятный читатель, изумлены. И горничныя?

Да. Горничныя. Падать, такъ падать.

Жилъ я въ скромныхъ петербургскихъ комнатахъ, жилъ бѣдно и тихо, и ходъ у насъ былъ черный. И тогда я проходилъ, горничныя сосѣднихъ номеровъ, куда-нибудь уходившія или уже пришедшія, хотѣли кпрямю съ мелкою, цѣпкою, женской настойчивостью указать, что онѣ не нуждаются въ этомъ неприятно полстомъ студентъ. Нѣтъ. Не нуждаются.

И пускали въ ходъ самый ослѣпляющій и самый тяжкій, самый ослѣпляющій и самый научно-обоснованный номеръ презрѣнія.

До меня, пока онѣ меня еще не видѣли, онѣ не пѣли. Но, завидѣвъ меня, сразу, слегка, про себя и не глядя на меня, начинали (что - нибудь при этомъ чиста или устраивая) напѣвать.

Вы возмущены. Думаете: „взрослый человекъ и занимается пустяками. Разбираетъ съ серьезнымъ видомъ глупости“. Нѣтъ, мои милые, славные. Напрасно.

Пѣть, напѣвать, мурлыкать слегка, про себя — всегда было еще съ моего безпечальнаго дѣтства самымъ ударяющимъ и гулкимъ способомъ презрѣнія. Легкія фіоритуръ, сильно вырывающіяся изъ полусдавленнаго горла („могла-бы запѣть лучше, да стоитъ - ли. Дуракъ идетъ“), эти модулящія тремоло на заднихъ лѣстницахъ всегда были предметомъ моего самого пристального вниманія.

Готовился-ли я стать профессоромъ науки о презрѣній или только доцентомъ, теперь уже не помню. Но я долго класифицировалъ это острое и глубоко пронзающее явленіе. Долго думалъ о немъ. И полюбилъ его.

Я полюбилъ всѣхъ напѣвающихъ, всѣхъ на-свистывающихъ, всѣхъ слегка и что-то мелодично выводящихъ изъ

одного лишь импульса: показать свою обособленную жизнь и стать внѣ васъ, отслоиться, отмежеваться отъ васъ и утвердить себя. Ибо чѣмъ-же инымъ можемъ мы утвердить себя, какъ не отрицая другихъ?

— „Вотъ я пою. Ты студентъ? Иди себѣ. А у меня течетъ густая, красочная жизнь. Пускай я мою стекла. Это случай социальнаго неравенства („Мотивъ изъ Лючіи“). А ты себѣ спускайся, спускайся, не задерживайся на лѣстницѣ. Можетъ-быть, меня цѣловаль нашъ жилецъ („Очи черныя“). А онъ, можетъ-быть, офицеръ. Ты почемъ знаешь?.. Я знаю, уже одними своими значками ты отрицаешь меня: студентъ, молъ. Ладно. И я живу. И у меня... („Не шей ты мнѣ, матушка“)... Не задерживайся. Можетъ-быть, я письмо получила недавно изъ деревни. И деревни ты не знаешь. Мелкій, толстый человекъ („О, какъ трудно, трудно умирать въ чахоткѣ“)

Тяжко жить презираемымъ на свѣтѣ.

Одинъ исходъ — презирать обратно. Встрѣчно.

Знайте-же, когда войдете въ трамвай и встрѣтите чей-то холодный и неприятно спокойный взоръ, смотрящій черезъ ваши плечи на туманный, задернутый изморозью уголь („Гдѣ-же это остановка? Чортъ его знаетъ, мѣшаютъ только“) И услышите еле-ощутимое на-свистываніе („У, меня, молъ, густая, обособленная жизнь. Пишу, молъ, въ „Новомъ Сатириконе“. А вы, ничтожныя, пишете?“ — „Арія Лючіи“), то знайте, что это я.

Я.

И что я васъ презираю.

Отвѣтно. Самъ.

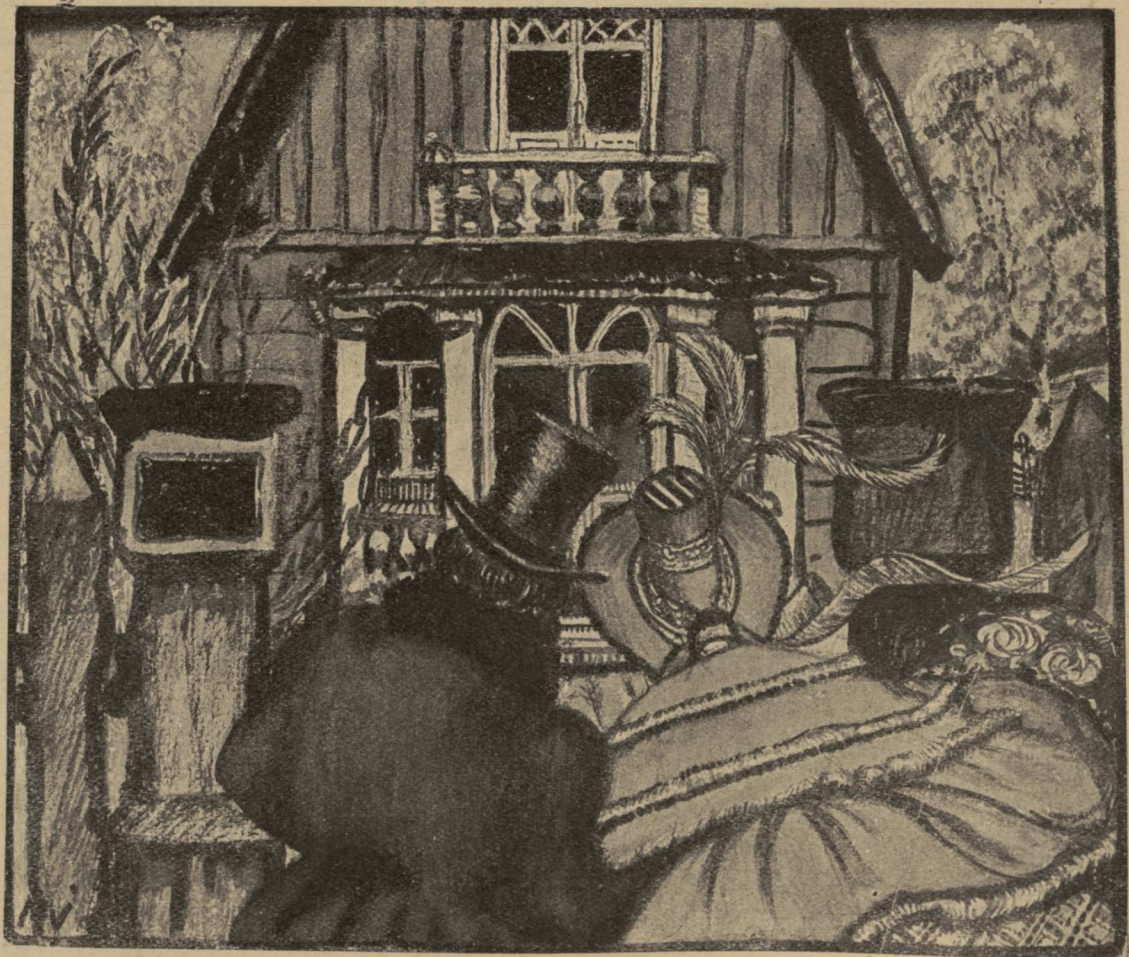
Густымъ, послѣднимъ презрѣніемъ.

Ибо, какъ хотите, надоѣдаетъ быть всегда презираемымъ.

И застреноженная природа упрямо вскидывается во мнѣ на дыбы...

Сергѣй Горный.

Рис. Ивашиной.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ НОВОБРАЧНЫХЪ.

Милый мой! Ты говорил мнѣ во время нашего вояжа, что домъ твой принесъ тебѣ столько-же дохода, — что и тотъ величественный замокъ, коимъ мы любовались на берегу Рейна во время заката. Скажи мнѣ, мое сердце, неужели сія ветхая лачуга тебѣ столь изрядный доходъ приноситъ?!

— Милая, слова мои отнюдь были не лживы. Во время постройки дома сего, бревномъ моего горячо любимаго дядю придавило на смерть... а онъ мнѣ всѣ свои деньги по духовной завѣщанію изволилъ... Такъ что домъ сей доходнымъ почитать надлежитъ.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ

Михайловская площадь, 13.
Тел. 85-99, 64-76, 149-53.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА-ОПЕРЕТТА.

Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Нигалкинъ, М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко.

СОСТАВЪ ТРУППЫ.

Е. И. Варламова, Е. В. Збр.-Пашковская, В. В. Кавецкая, Е. Ф. Перма, А. Г. Пекарская, В. М. Шувалова, А. С. Аренская, Е. А. Авдѣва, В. Н. Балле, Н. А. Дарвичъ, М. В. Марьянова, О. К. Рейская, А. К. Флигентъ; Гг. Н. М. Антоновъ, А. М. Брагинъ, В. Ю. Вадимовъ, А. Ф. Валерскій, И. И. Коржевскій, М. Д. Ксендзовскій, А. Н. Феона, К. В. Дагмаровъ, К. И. Дмитриевъ, М. Ф. Клодницкій, К. Л. Людвиговъ, Н. К. Мартыненко, Н. Х. Тугариновъ.
Гл. реж. В. Ю. Вадимовъ. Реж. А. Н. Половъ. Гл. кап. В. И. Шпачекъ.

**СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО
КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА и ОПЕРЕТТА.**

Главн. режис. В. Ю. Вадимовъ. Главн. Кап. В. Шпачекъ.

Начало въ 8 1/2 час. вечера.

Променуары въ театрѣ 1 руб.

Готовится въ постановкѣ Юр. Д. Бѣляева — „Птички Пѣвчія“.

Первоклассный

Кафе - концертъ

Лучшая программа Европ. сценъ при участіи знамен.

Телло и Патти.

Первоклассная кухня поруч. луч. кулинару Г. А. Ермолу.

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ

Открытие 22 Сентября.

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЬ:

„ДОМЪ ВЪ ПЕРЕУЛКЪ“, П. Потемкина.

„ДАМЫ“, Аркадія Аверченко.

„ВЫБОРЪ НЕВѢСТЫ“, балетъ М. И. Кузьмина.

„ОКО ЗА ОКО“, съ французскаго.

Начало въ 9 час. вечера.

СЛОЖНЫЙ КРОВЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ

ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ. Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ питательн. веществъ въ Лондонѣ.

Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.

Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. — Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глиперофосфаты, Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при малокровіи, ослабленіи организма, невралгическ. истеріи и проч. Съ большимъ успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ! Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67. Р. S. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка на домъ бесплатно.

ПЕРСИДСКІЕ КОВРЫ

НОВЫЕ и АНТИЧНЫЕ.

== РАЗНЫХЪ СОРТОВЪ и РАЗМѢРОВЪ. ==

Непосредственно изъ Персіи

Ю. І. ХАНЪ-ПИРА,

Эртелевъ 6, телеф. 233-45.

ПОЧИНКА КОВРОВЪ ЗА НОВО
мастерами изъ Персіи.

ОСТОРОЖНО!

ГИГИЕНИЧЕСКІЯ
РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ
(предохранители)

ОПАСНО БРАТЬ „ГДѢ-НИБУДЬ“
цѣлесообразно обра-
щаться только въ единствен-
ный спеціальный складъ
отдѣлен. парижской фирмы

ЖРУССЕЛЬ

Москва. Столешниковъ пер., 5.
С.-П.-бургъ, Фонтанка 29, уг. Невск. пр.
Кіевъ, Крещатикъ, 5.

Вы должны неотложно потребовать
(безплатно высылаются и въ закрытомъ
конвертѣ) полный иллюстрированный

каталогъ № 2.

СЪ РАЗБѢГУ.

— Вотъ у насъ въ Одессѣ дешевизна — прямо охнете! Арбузъ, напримѣръ, стоитъ... одну копейку!..

— Послушайте... Но вѣдь это возмутительно! Вы вѣдь врете!!!

— Ну, предположимъ — вру, а все-таки — копейка за арбузъ — вѣдь дешево? Дешево вѣдь?

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВѢНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ и ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
3-е изданіе книги

Аркадія Аверченко

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Обложка А. Радакова.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп. — СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Кн. складъ „Земля“, Невскій, 55.

Выписывающіе изъ склада — за пересылку не платятъ.

ХРОНИКЕРСКІЯ ОБМОЛВКИ.

(Изъ провинціальныхъ газетъ).

- Сама себя высѣкла, какъ унтеръ-офицерская вдова Пошлепкина.
- Утопавшаго спасло общество спасанія на горахъ.
- Иванову посчастливилось: трамвай отрѣзалъ ему только обѣ ноги.
- Если бы Муцій Сцевола жилъ въ 20 вѣкѣ, то врядъ ли онъ позволилъ бы отрубить себѣ руку.
- Актеры были обуты въ историческіе костюмы.
- Грибоѣдовскій персонажъ Репетиторовъ.
- Поставленная вчера классическая пьеса „Женитьба Гоголя“...
- „Псиша“ была такъ скомкана, что бѣдный авторъ навѣрное нѣсколько разъ перевернулся въ гробу.
- Отцвѣлъ, не успѣвъ отцвѣсти.
- Она пугала родителей, что выйдетъ замужъ за Петрова, если бы даже онъ былъ самоубійцей.
- Во время свирѣпаго ливня на Каспійскомъ морѣ погибла шлюха со всѣмъ команднымъ составомъ...

Выбралъ Е. Д.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Рузовская ул. — Ман—у.

... „Теперь не стыдно вспомнить, что, будучи первымъ танцоромъ и кавалеромъ въ дачной мѣстности „Гнилушки“, глупость моя была безгранична... Я еще тогда...“ и т. д.

Пусть Ман—ъ не считаетъ насъ за комплементчиковъ, но должны сказать, что онъ чудесно сохранился...

Офицерская. — Скрибъ. — Стихи:

„Этой ночью въ огняхъ ресторана
Заиграютъ потоки вина...“

Ресторанъ — заведеніе очень маложелательное, — значить, такъ ему и надо: пускай тонетъ въ потокахъ. А стихи тоже прикончили.

Новый переулочъ. — Ич—ву.

— „Говоря откровенно, между нами, вѣдь и рассказы Аверченко не всегда удачны. Иногда такое ляпнетъ, что руками разведешь...“

Самъ видимъ... Вѣрите, между нами, — единственно изъ жалости держимъ. Не звѣри-жъ на самомъ дѣлѣ, — ужъ пусть его!

Б. Провинція.

Одесса. — Виль—ну. — Пуше всего Виль—на интересуется вопросомъ: „получаютъ-ли авторы „Новый Сатириконъ“. Получаютъ. Стихи ваши отдали въ контору и дали хорошей отзывъ. Напечатайте ихъ гдѣ-нибудь, деньги пришлите по адресу: Невскій, 98. Журналъ безъ сомнѣнія вышлютъ. Не жалко.

Валжъ. — Lustn'у.

Lust—n совѣтуется: — „Послать ли вамъ одно стихотвореніе или всѣ тетради. У меня ихъ весьма много, переписаны на машинкѣ. Есть и лирическія, и сатирическія, а также два разсказа изъ студенческаго быта“.

Поближе къ зимѣ высылайте все оптомъ: и лирическія, и сатирическія, и разсказы. Нѣтъ-ли еще изъ какого быта? Сами знаете, какъ стали дороги дрова въ Питерѣ.

Минскъ. — Роз—лю.

— „Кружковщина „Новаго Сатирикона“ вошла даже въ разговорку, — и постороннему человѣку попасть въ вашъ журналъ безнадежное дѣло...“

Вы сдѣлали большій подвигъ, чѣмъ если-бы попали въ нашъ журналъ — попали пальцемъ въ небо.

И, вообще, говорите вздоръ. „Сатириконъ“ выдвинулъ цѣлый рядъ дотолѣ неизвѣстныхъ никому юмористовъ.

В. Москва.

Остоженка. — Р.

„И цѣловались мы съ ней до утра,
Она была страсти и грусти полна.
А съ синяго неба ясны перламутра
На насъ любопытно смотрѣла луна“.

Нѣ любопытно на васъ можетъ смотрѣть луна, а съ отвращеніемъ.

Евг. Вѣн.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

С.-Петербургъ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

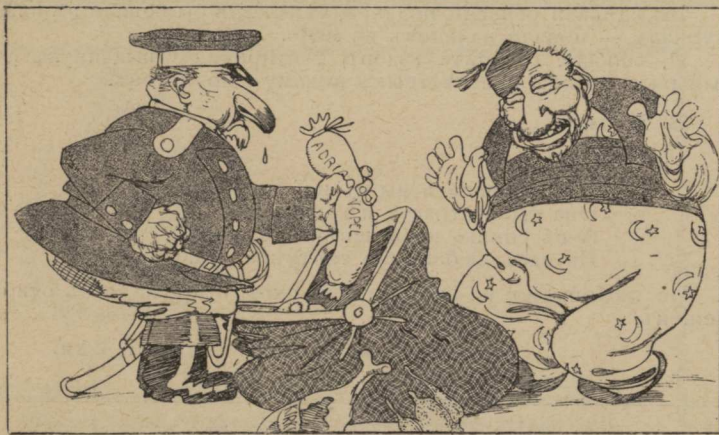
Выписывающіе со склада изданія — за пересылку не платятъ.

На складѣ имѣются слѣдующія книги:	Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ:
<p>Аркадій Аверченко. „Разсказы для выздоравливающихъ“. Изд. 5-ое. Обложка работы художника А. Юнгера. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.</p>	<p>Аркадій Аверченко. „СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ“. Томъ I-й. Третье изданіе. Цѣна 2 руб.</p>
<p>А. Мюрже. „БОГЕМА“. Роскошное иллюстрированное изданіе. Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>Дмитрій Цензоръ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“. ЛИРИКА. Изд. Аркадія Аверченко. Выходитъ въ послѣднихъ числахъ Сентября. Складъ изданія „Новый Сатириконъ“ (Невскій 98).</p>
<p>Аркадій Аверченко. „Миніатюры и монологи для сцены“. Томъ II-й. Содержаніе: Новогодняя пасха, Родственная кровь, Старики, Лѣто, Ложь, Знаменитый трансформаторъ, Власть рока, Таинственный гость, Прологъ, Функельманъ и сынъ, Роковая гребенка, Загадочная телеграмма. Цѣна въ изящной обложкѣ 2 руб.</p>	<p>Аркадій Аверченко. „ЧОРТОВА ДЮЖИНА“ (двѣнадцать пьесъ). Томъ III-й. Цѣна 2 рубля.</p>
	<p>Фома Опискинъ. „СОРНЫЯ ТРАВЫ“. Разсказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.</p>
	<p>Аркадій Аверченко. РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ. (Всѣ выпуски—изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждого выпуска 10 к.</p>

Дѣла Балканскія.

Что было у Фердинанда.

И что осталось.

На урокъ естественной исторіи.

Учитель: — Ивановъ, скажи, какая разница между осетромъ и цензоромъ?
Ученикъ: — Не знаю, господинъ учитель.
Учитель: — Стыдно не знать. Осетръ мечетъ икру только весной, а цензоръ круглый годъ.

ТОГДА — ПОНЯТНО.

— Какъ?! Вашъ мужъ поколотилъ вашего кучера только за то, что тотъ скрестилъ на груди руки?!
— Да, но видите ли... Онъ скрестилъ ихъ на... моей груди.

Король греческій въ Парижѣ.

Франція. — Знай, что на этотъ разъ я прощаю тебѣ твое загрываніе съ нѣмцами, но знай, что когда берешься за дубину, нужно знать тактику того, кого хочешь бить.

Неравноцѣнное.

Патріотъ: — То, что фельдфебель требуетъ отдавать ему честь — это еще ничего, но то, что онъ требуетъ отдавать ему мою вечернюю кружку пива — это уже плохо.

НОВЫЙ САТИРИКОН

цѣна 15 коп

РЕ-МИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала САТИРЫ и ЮМОРА.

Издатель—Т-во „Новый Сатириконъ“. Редакторъ Аркадій Аверченко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 коп., на полгода 3 руб. 25 коп., на 3 мѣсяца 1 руб. 75 коп.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА—СКЕПТИКАМЪ.

Намъ очень наскучило видѣть скептическія улыбки (весьма недвусмысленнаго свойства) нѣкоторыхъ нашихъ читателей, когда мы говоримъ о громадномъ тиражѣ „Нов. Сатирикона“.

Чтобы разъ навсегда прекратить эти разговоры, мы рѣшили обратиться къ помощи безстрастной, неувлекающейся машины, рѣшили обратиться къ фотографіи.

Мы помѣщаемъ фотографію „въ редакціи „Нов. Сатирикона“ въ день выхода номера“, помѣщаемъ, чтобы покончить съ нашими многочисленными врагами.

Конечно, эти господа могутъ спросить,—какимъ образомъ въ трехъ обыкновенныхъ комнатахъ конторы могло помѣститься столько людей? Мы-же на вопросы этихъ, вѣчно подозрѣвающихъ всѣхъ и все скептиковъ (они не виноваты, здѣсь играетъ роль наследственное вырожденіе) отвѣтимъ словами, произнесенными всѣми уважаемымъ и любимымъ начальникомъ сыскаго отдѣленія, г. Филипповымъ, еще не такъ давно—по поводу одного убійства, въ разговорѣ о дактилоскопической экспертизѣ.

Эти слова въ свое время обошли всю Европейскую и Американскую печать, и даже вызвали повышение русскихъ бумагъ на Чикагской выставкѣ. Вотъ эти прекрасныя слова:

— Фотографія не лжетъ!

Итакъ, скептикамъ остается только одно: или 1) Заподозрить такое уважаемое лицо въ томъ, что оно говоритъ неправду, 2) Или повѣрить нашей фотографіи!

Конечно, всякій уважающій себя сознательный гражданинъ и умный человекъ предпочтетъ первое, ибо безъ уваженія къ власти и взаимнаго довѣрія—не можетъ существовать ни одно государство въ мірѣ. Не даромъ сказано у Вольтера (томъ V, глава XI, стр. 245): „Тотъ, кто не уважаетъ начальниковъ сысканыхъ полицій, не уважаетъ себя!“

Отсюда ясно, что тѣ лица, которыя будутъ, попрежнему, скептически улыбаться, отнынѣ никакого впечатлѣнія, кромѣ омерзѣнія, вызывать не будутъ, такъ какъ теперь всякому будетъ ясно, что это люди безнравственные, неуважающіе начальства, разрушающіе основные принципы государственности и, какъ таковыя, ни на какое уваженіе рассчитывать не имѣющіе права... Люди, отъ которыхъ всякая похвала—оскорбленіе, и всякое оскорбленіе—похвала.

И, попрежнему, мы будемъ твердить съ поднятымъ забраломъ, съ открытымъ честнымъ лицомъ: „Подписка на второе полугодіе принимается!“

Издательство.

Дѣла одинаковой трудности.

Акробатка: — Представь — я сегодня работала на трапещи безъ сѣтки!
 Шансонетн. пѣвица: — А я то же самое — выступила нынче впервые безъ трико!..